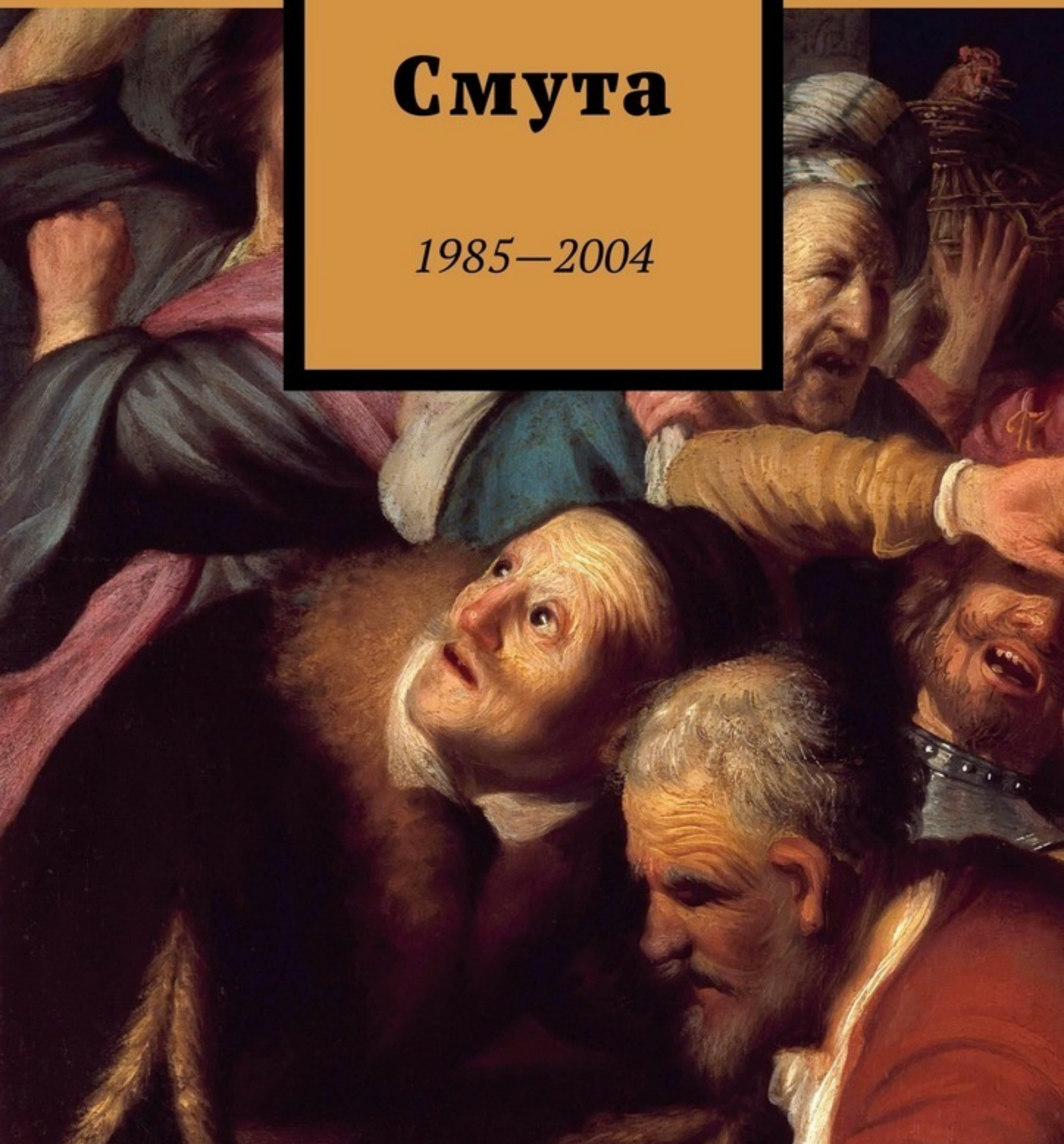

Артур Прокопчук

Смута

1985—2004

Артур Прокопчук
Смута. 1985—2004

«Издательские решения»

Прокопчук А. А.

Смута. 1985—2004 / А. А. Прокопчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900686-8

События тридцатилетия (1985—2004) глазами очевидца. Жизнь на переломе двух формаций. Российский капитализм. Немного о Тбилиси, авторские впечатления о республике, покинувшей СССР. Судьба семьи, попавшей в «эпоху перемен». «Революция роз» в Тбилиси.

ISBN 978-5-44-900686-8

© Прокопчук А. А.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
«Апрельские тезисы» (1989 год)	10
«Процесс пошёл»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Смута 1985—2004

Артур Андреевич Прокопчук

© Артур Андреевич Прокопчук, 2017

ISBN 978-5-4490-0686-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Большой обман 1985—1990

Малые надежды и большая ложь

Весна столкнула лбами и еще более ожесточила сторонников и противников «перестройки» – от Горбачева до Лигачева, от Ельцина до закоренелых членов политбюро, от дворников, которые все стояли за «советскую власть», до профессоров высшей школы и Академии Наук, исповедовавших «плюрализм» и многопартийность.

Противостояние подогревалось массовым ажиотажем, охватившим страну из-за выборов на Съезд народных депутатов, намеченных на март 1989 года. Съезд должен был избрать новый Верховный Совет СССР. Впервые советская власть позволила своим гражданам выдвинуть кандидатами в депутаты несколько человек по разным спискам, впервые в истории Советского Союза эти граждане получили право выбора своих представителей на Съезд. Ельцин, исключенный ранее из Политбюро ЦК КПСС, стал самым популярным кандидатом на съезд и в Верховный Совет, и в местных окружных избирательных округах стал набирать подавляющее число голосов. Конечно, сегодня уже не всем будет понятно, что такое был тот Съезд или Верховный Совет, может быть, даже фамилия Ельцин мало что скажет новому поколению. Но для этого есть Интернет, так что интересующиеся могут навести справки о механизмах и устройстве загнивающей советской власти тех лет и о некоторых борцах с этой властью. Если вспомнить о том «историческом» Съезде, не многое с тех пор изменилось, Государственная дума 2009 года по своему характеру работы и персональному составу не очень отличается от Верховного Совета СССР образца 1989 года со своим неизменным «одобрямс».

Можно лишь добавить, что результаты выборов в Москве были опубликованы, Коммунистическая Партия и «народ», который был с ней в бесконечном и бессмысленном единстве, оказались в меньшинстве – Ельцин получил более 90% голосов, что стало серьезным предупреждением закосневшей партократии об истинном балансе сил в стране и началом нового этапа в непрекращающейся все советское время лжи об этом единстве.

Основы этой лжи, заложенные политиками, трансформированный марксизм, «всепобеждающее учение» партийных философов, стали колебаться от ветхости, как пятиэтажные панельные «хрущёвки», разваливающиеся время от времени от слабеньких взрывов на кухнях из-за неисправности газовых конфорок.

Я думаю, что массовое сознание советских граждан к

89-ому году претерпело существенные изменения, ведь «перестроечные» тенденции уже намечались со времени провозглашения «гласности» на XXVII Съезде КПСС в феврале 1986 года. Слабенькие ручейки новой «Горбачевской оттепели» размывали чудовищный по размерам и смыслам айсберг «непоколебимого строя».

С 1987 года началось все более открытое обсуждение сталинизма, как явления, сошедшее на нет после первой «оттепели» в 60-е годы. Критики советского строя выходили из подполья, стали публиковать старые «работы в стол», наконец, дождав-

шиеся своего часа. Вал новой, доселе неизвестной советскому человеку, информации нарастал, и достиг своей сокрушающей величины в эти годы. Даже забытая и забитая идеологами советизма Академия Наук «тряхнула стариной» и стала публиковать материалы «спецхранов», вроде «Сталинской школы фальсификаций» Льва Троцкого, впервые опубликованной в Берлине, в 1932 году.

Открывались у народа глаза на главную ложь советского государства, на смысл и значение Великой, Октябрьской, Социалистической Революции (ВОСР). Она оказалась:

– Не «великой», а достаточно подлой и низменной, особенно в отношении к крестьянам, которых обманули и которые до сегодняшнего дня ждут, когда им вернут землю (лозунги «Земля – крестьянам» и «Фабрики – рабочим» были у большевиков главным манком для народных масс).

– Не «октябрьской», благодаря календарным распрям церкви с государством, из-за которых все православные до сих пор дважды празднуют новый год и Рождество.

– Не «социалистической», так как до конца советского этапа строительства социализма вожди пытались придать тому, что построили, «человеческое лицо».

И наконец (last but not least) – «революция» в аббревиатуре «ВОСР» оказалась, при ознакомлении с некоторыми документами, банальным военным переворотом и захватом власти кучкой «продвинутых» марксистов во главе с Троцким.

Новости наступали со всех сторон, газеты пошли нарасхват, стали появляться новые, необычайно интересные, вроде «Коммерсанта». Союзные Министерства мимикрировались, перекрашивались, меняли название, но цепко держались за свои наделы. Мы и не заметили, как появился на месте бывшего министерства, пока еще ничего ни значащий «Газпром». Кто бы мог тогда подумать, во что превратится этот спрут?...

В том году на меня произвело самое сильное впечатление совместная акция трех республик, Литвы, Латвии и Эстонии, которые в знак протеста, в 50-ю годовщину подписания советско-германского пакта 1939 года, вышли на улицы. Жители этих трех бывших маленьких прибалтийских государств, так и не привыкших к советскому строю и не принявшие его, образовали живую цепь из двух миллионов человек длиной в 600 километров. И, конечно, события апреля-мая в Пекине, на площади Тяньаньмэнь, когда армейские подразделения танками разогнали

и передавили многотысячный митинг китайских студентов, скандирующих – «Дадао гуаньдао!» («Долой продажных чинуш!»).

С западных окраин СССР начался в 1989 году, так называемый, «парад суверенитетов», когда Эстония, а потом Литва, объявили о своем отделении. Далее эта «независимость от империи» ударила весенним настроением в головы руководителям остальных «республик свободных», и опьяняющий вал освобождения прокатился по всей стране, до ее восточных и южных окраин, достигнув Киргизии к концу 1990 года. Россия тоже была вовлечена в этот процесс и, кажется, в июле объявила о своем суверенитете. Если республиканские правящие элиты еще имели в виду некоторые выгоды отрыва от СССР, то многим до сих пор не понятно – какой суверенитет нужен был России, и от кого она хотела отделиться.

Конец года завершился полным пересмотром представлений о некоторых исторических событиях в «Союзе нерушимом». Второй Съезд народных депутатов СССР (декабрь 1989 года) подвел некоторый итог всеобщему расстройству в умах моих

сограждан. Съезд осудил одним скопом и «пакт Молотова-Риббентропа», уничтоживший Польшу, и ввод советских войск в Афганистан, последствия которого до сих пор вызывают болезненные ощущения во многих странах, особенно в среднеазиатских республиках, и использование советской армии при разгоне демонстрантов на улицах Тбилиси в апреле 1989 года. Впрочем, я забежал немного вперед, о Тбилиси – позже.

Семидесятилетняя история «великого и могучего» государства СССР выходила на финишную прямую, хотя мало кто об этом догадывался еще целый год. Кому же такое могло придти в голову под извечные напевы о «незыблемости», «единственно правильной линии» и «полной поддержке» всем советским народом курса ЦК КПСС. Большая государственная лож делала свое дело – народ, как всегда, безмолвствовал, ему было не до этих материй, надо было кормить своих детей, что становилось все более сложной проблемой. Амальрика с его знаменитой статьей «Доживет ли Советский Союз до 1984 года» знали буквально единицы. Статьи Сахарова, или Збигнева Бжезинского, специалиста по СССР, советника двух американских президентов, были недоступны. Кому были известны работы Генри Киссинджера или Ричарда Пайпа? Совежливые советские историки, если что и писали, то только «в стол». Все «чуждое социализму» в советское время было под запретом, или без опубликования подвергалось остервенелой критике «искусствоведов в штатском», так что информацию мы могли выуживать только из этих, всегда отрицательных отзывов, часто предварённых фразой, попавшей в анекдот – "я хотя Пастернака и не читал, но...».

События начала года сделали еще несколько предупреждений «кремлевским старцам», но они все не хотели понимать, куда идет весь мир и долдонили об «ужасах империализма» или «происках идеологических врагов». А ведь надо было им только выглянуть из-за кремлевской стены, почитать другие, не советские газеты, хотя бы прессу «стран народной демократии» – Польши, Чехословакии, Венгрии. Впрочем, думаю, что они в своих кабинетах все еще разбирали по строчкам, по старинке водя пальцем, когда никто не видит, письма с грифом «ОЗП». Это были «Особые Закрытые Письма», в которых услужливые штатные комментаторы мировых событий из родственных отделов ЦК и КГБ причесывали мировые события «под господ», подчеркивая цветными карандашами достойное их внимания, чтобы они не очень трудились и не расстраивались от происходящего вне сферы их влияния.

Крышка, кипящего новыми идеями, европейского котла, особенно его «варшавского блока», придавленная советским сапогом, вот-вот должна была разлететься. Узнав многих неоспоримых, но долго скрываемых фактах, народ несколько ошалел и, как было на Руси всегда, стал «перегибать палку». Уже в 1989 году положительно оценить что-либо из советского времени стало дурным тоном, особенно в интеллигентских кругах.

Тем временем, в Чехословакии в очередной и последний раз заключили в тюрьму Вацлава Гавела. Коммунист-президент ЧССР Густав Гусак уже не мог так просто, по технологии КГБ, избавиться от своего конкурента, чешского писателя-диссидента, которому была уготована судьба, немного позже стать первым президентом свободного от Советов государства.

Будапешт так же бурлил нескончаемыми народными демонстрациями с требованиями вывода советских войск и установления демократического национального государства.

Польша немного опережала другие страны «народной демократии», и в ней лидер независимых профсоюзов докеров, Лех Валенса, лауреат Нобелевской премии мира за 1983 год, уже подписал с польскими коммунистическими лидерами соглашения о политических и экономических реформах. Широкое народное движение, польская «Солидарность», вместе со своим вожаком вышло из подполья. Это был фон для событий, разворачивающихся в СССР.

За кремлевской стеной делали вид, что эти события их не трогают, но превентивные меры стали принимать, надо было немного «выпустить пар»... Так, в марте московские избиратели вдруг «обнаружили», что они имеют право выбора своих представителей на очередной Съезд народных депутатов. Конституционное право-то у них было всегда, но пользоваться этим правом, как и многими другими, народ отучили еще в сталинские времена. На митингах в поддержку «своих» кандидатов стали собираться в разных районах Москвы тысячные толпы. Вошли в моду самодельные плакаты с надписями – «за гласность», «за перестройку», «за демократию». Произошло даже вовсе невероятное: Ельцин, которого вывели более года назад из состава ЦК КПСС, сняли с должности 1-го секретаря московского горкома партии, набрал в своем округе подавляющее число голосов. При этом многие партийные «выдвиженцы» провалились с треском. На митингах зазвучали призывы к отмене 6-ой статьи Конституции, где было записано – «КПСС – правящая партия».

Опять что ли наступала новая, на этот раз более высокая волна «оттепели»? Ведь подули свежие, весенние ветры, и мы их явно ощущали... Но, не тут-то было – умирающий верблюд лягается особенно больно. Чуть ли не на следующий день после выборов (выборы немного затянулись, были и перевыборы, назначенные, кажется, на 9 апреля), мы услышали экстренное сообщение по всем каналам радио и телевидения о событиях в Тбилиси.

(Можно более подробно об этом времени, о выборах на съезд, о самом съезде и реакции некоторых московских кругов, в частности, академических, узнать из дневниковых записей участника этих событий Льва Остермана (Лев Остерман. Интеллигенция и власть в России (1985 – 1996 гг.) Глава 2-ая, Народная демократия. Первые свободные выборы <http://lib.ru/POLITOLOG/OSTERMAN/intelligencia.txt>).

«Апрельские тезисы» (1989 год)

Еще в прошлом году, во время командировки в Тбилиси (если честно, то липовой), я встретился и договорился о стажировке с Мишей Чхеидзе, моим «однопольчанином» по Институту кибернетики, который стал директором Тбилисского филиала Института метрологии имени Менделеева (позже ВНИИАСМ-НПО «Исари» Госстандарта СССР). Миша организовал мне двухмесячную стажировку в его институте с целью получения «корочек» – Диплома, дающего права на поверку приборов и проведение стандартизации измерений параметров водных сред. В русле этого направления я все еще работал во ВНИРО, на Министерство рыбного хозяйства СССР. Там, в Грузии, в Тбилиси, в Институте метрологии, расположившемся в новом здании нового района города «Исани», в частности, находились государственные эталоны СССР – единицы удельной электрической проводимости жидкостей, и рабочие эталоны 1-го и 2-го разрядов. Я же решил воспользоваться этой ситуацией, чтобы еще раз приехать весной в Тбилиси, побыть там подольше. Хотелось и пожить подольше «дома», да, именно, так – дома. Тбилиси остался навсегда таким же домом для меня, как и Минск – мой родной город.

Новости из Тбилиси заставили меня улететь из Москвы гораздо раньше, чем я предполагал. Прочитирую то сообщение, которое мы все услышали сначала по радио, а потом и прочитали в газетах.

Сообщение ЦК, Президиума ВС и Совмина:

«В ночь с 8 на 9 апреля в городе Тбилиси на площади у Дома правительства в ходе пресечения беспорядков, спровоцированных экстремистскими, антиобщественными элементами, пострадала группа людей из числа гражданских лиц и военнослужащих. В результате возникшей давки погибло 16 человек»... («Известия», 10 апреля 1989 года). Стало ясно, что там произошла катастрофа гораздо большего масштаба.

Наученный советской прессой выуживать из-под строк правдивую информацию, я понял, что это повторение событий 1956 года, когда в годовщину смерти Сталина, из толпы поклонников вождя, тбилисских студентов и старшеклассников, власти умудрились сделать чуть ли не революционное выступление, спровоцировали ожесточение жителей города и всеобщее презрение к фальсификации событий официальной советской прессой. Тогда это был первый послевоенный, «успешный опыт» неуклюжей советской государственной машины в разгоне своих собственных граждан, безоружных людей, пулеметными очередями и танками.

Иза Гигошвили, моя первая жена, рассказывала мне, как она несколько часов пролежала в тот день, вместе со своей напуганной теткой «Катушей» (Екатерина Джикия), под кустом Александровского сада, где стоял памятник вождю, вокруг которого и разворачивались события 1956 года. Они долго боялись подняться, а тетюшка закрывала «для безопасности» голову от трансирующих пуль платком.

Официальная пресса тогда молчала, о событиях передавали свои впечатления очевидцы, но, как в свое время в Новочеркасске, о расстреле узнали вскоре очень

многие. Вот, к слову, я получил сегодня копию газеты «Тбилисцы» N 14, за март 2010 года, и там статья Семена Крихели «Как я был революционером». Было ему тогда 16 лет, и учился он в школе, расположенной неподалеку от митинга в Александровском саду. Все он помнит – и митинг около статуи Сталина, на котором выступали известные грузинские поэты, например, Григол Абашидзе, лауреат Сталинской премии. И поход активистов митинга к первому секретарю ЦК Гр. ССР Мжаванадзе, который потом шел во главе колонны демонстрантов. И новую колонну, в основном, студентов, которая направилась к гостившему тогда в Тбилиси, в загородной правительственной резиденции, маршалу Чжу-Дэ, соратнику Мао Цзе Дуна.

В той же публикации было приведено воспоминание моего коллеги по Институту кибернетики Марка Перельмана, который тоже был свидетелем этих событий. Он до сих пор помнит и о танках в городе, и об оцеплении войсками Главпочтамта на проспекте Руставели, и о двух городских кладбищах, где есть ряды могил, погибших в один и тот же день...

Потом еще не раз случалось нам узнавать об «отдельных неполадках в пробирной палатке» великого и могучего СССР, как например, об известном Новочеркасском расстреле рабочей демонстрации в 1962 году. Сведения об этих событиях тщательно скрывались, а просочившаяся информация подвергалась такой цензуре, такому искажению, что реальность превращалась в анекдот, вроде одесского «Куба – да, масла – нет». Однако я не хочу отвлекаться, мне важнее рассказать о других, более близких и ранящих меня событиях, иллюстрирующих всю глубину обмана и лжи советского народа властной верхушкой, партийными идеологами, продажной прессой, «специалистами» из органов.

Некоторые положительные сдвиги в устройении державы, несомненно, происходили и свидетельствовали о том, что в глубинах этого спящего монстра, наконец, происходят, пусть пока и не большие, но уже заметные перемены. Однако настроенность власти на подавление любого признака изменения этого искусственного и натужного строя сохранялась по-прежнему.

А как советская власть охраняет свои устои, мне не надо было рассказывать. Я здесь, в советской стране, долго прожил и, к сожалению, никогда не чувствовал себя счастливым, почти все помнил (счастье – это иметь крепкое здоровье и ничего не помнить, Э. Хемингуэй).

Я понял, что лететь в Тбилиси надо как можно быстрее, чтобы увидеть все своими глазами, обнять своих близких, друзей, родственников. В конце концов, просто успокоиться, удостовериться, что они живы и здоровы – дочь с мужем, мои маленькие внуки, вся многочисленная родня. И, конечно, я был полностью солидарен с оставшимися там, за хребтом Кавказа, где была в ходу шутка – «коммунизм – не за горами».

Через неделю после сообщения о «беспорядках» я уже прилетел в Тбилиси, чтобы увидеть все своими глазами.

До Дигоми, точнее до Дигомского массива (так тогда назывался новый район города), где жила моя дочь с мужем и детьми, где я и остановился, слава Богу, эти события не достигли. Все ограничилось, как оказалось, центром города, проспектом Руставели, площадкой около Кашветской церкви, Домом художников и Домом правительства, вокруг которого кипели страсти, и на ступенях которого объявили многодневную голодовку несколько сот тбилисских юношей с требованиями отделения Грузии от СССР.

На следующее утро я сел около своего дома в Дигоми на автобус и вышел около почтамта на Руставели. Я всегда любил прогулку по этому нарядному и какому-то праздничному в любое время года проспекту. Народу было не более обычного, но на гранитной обочине проспекта, на ступенях Дома правительства, лежали горы цветов. Кое-где стояли сгорбленные женщины, определить возраст которых было невозможно. Как обычно в Грузии, некоторое время после панихид и похорон, женщины были в траурных одеждах – во всем черном, с черными кисейными платками на головах, почти закрывающих лица. Точное число жертв еще не было известно, по слухам погибло около 20 человек и почти все погибшие оказались женщинами. Причины гибели в разговорах очевидцев предлагались разные – от саперных лопаток, которыми орудовали солдаты, до раздавленных в потасовках при выдавливании войсками ночного сборища у Дома Правительства.

Позже стали говорить и об отравлении многих демонстрантов во время разгона толпы специальными средствами, что очень долго категорически отвергали официальные лица и вторящие им «средства массовой информации». Через короткое время весь Тбилиси уже знал примерное число погибших, пострадавших с разными телесными повреждениями и отравленными. За помощью в больницы и клиники обратились около трехсот человек. В таком городе, где все друг друга знают, и многие состоят в родственных отношениях, эти сведения и новые для горожан слова – «саперные лопатки» и «черемуха», быстро вошли в обиход. А ведь начиналось все достаточно мирно и спокойно.

Митинги перед Домом правительства, которые стали проходить почти каждый день с начала марта и были сначала связаны с «абхазским вопросом» об отделении автономии от Грузии, плавно перешли в требования митингующих о выходе Грузии из СССР. На этих ежедневных, непрекращающихся с утра до вечера, стихийных сходках побывал почти весь город, и в некоторые дни на широких ступенях парадной лестницы Дома правительства собирались тысячные толпы горожан. Многие оставались и на всю ночь, а позже начались и голодовки на этой же лестнице. Учебные институты и школы города прекращали занятия, что особенно радовало тбилисскую молодежь. «Гижи марты» («сумасшедший март», груз. яз.) пьянил ветрами долетающими из Баку пробуждающийся после зимы город...

Целый месяц такого бурления интересов и страстей, уже выплескивавшихся с кухонь на улицы, казалось, готовил трагический конец, что-то зловещее висело в воздухе, и эти ощущения можно было сравнить с предчувствием животных перед землетрясением...

Советское государство не собиралось, как говорилось, «поступаться своими принципами», и окраинам, забывшимся в своих центробежных завихрениях, надо было «дать острастку», поставить на свое место. Надо было показать пример другим республикам, чтобы «не рыпались», найти точку приложения имперской силы, давно не находящей себе применения. «Слабое звено» было вскоре найдено в Тбилиси. Грузия двести с лишним лет раздражает царедворцев России, и вызывает самую искреннюю симпатию у образованных россиян.

Что там происходило на самом деле, я почерпнул, кроме рассказов очевидцев, из официальных документов:

«Утром 08.04.89 г. город на малой высоте облетели 3 эскадрильи военных вертолетов, а около полудня по улицам Тбилиси по трем маршрутам и мимо митингующих проследовала боевая техника с вооруженными солдатами»

(из Заключения Комиссии Съезда народных депутатов СССР по расследованию событий, имевших место в г. Тбилиси 9 апреля 1989 года).

Надо ничего не знать о Грузии, не быть знакомым ни с одним жителем Тбилиси, чтобы совершить такую провоцирующую глупость. Это воздушное патрулирование над митингующими в центре города возмутило уже все население. Правда, наша власть особым умом не отличалась и прежде, так как привыкла не разводить особые церемонии в конфликтах со своим народом, но что могло бы пройти незамеченным в центрально-черноземном районе, не было пропущено без реакции населения в Грузии.

Может быть, власть именно на такую реакцию и рассчитывала, ей надо было переключить на «неразумные» национальные окраины внимание своего (русского) народа, ожесточенного неурядицами, откровенной голодухой и бесконечным враньем официальных источников.

В результате нагнетаемой извне обстановки, если в предыдущие дни на площади около Дома правительства митинговали сотни, то после этих «упреждающих» и, как думалось властям, устрашающих акций, на Руставели потянулся весь свободный люд. К вечеру 8-го апреля пройти по проспекту уже было невозможно из-за многотысячных толп горожан.

Есть точные данные в выводах упомянутой Комиссии о числе поломанных троллейбусов, автобусов и грузовиков, проколотых шинах и перевернутых малолитражках. Но для меня было главное другое – понять, что же это такое – людская стихия, взъерошенная провокационными и топорными действиями Москвы. Откуда, по какой причине погибшие – по глупости вышестоящего начальства или по расчету «специалистов» в голубых погонах. Как теперь будут глядеть в глаза народу отдавшие преступный приказ военачальники? Два десятка погибших мирных жителей, практически одних женщин, в одну ночь во время мирного митинга, не много ли для города не достигшего тогда миллиона жителей? А то, что это было преступление против своего народа, ни у кого не вызывало сомнения уже тогда.

Значительно позже стали известны и официальные выводы образованной по этому случаю Комиссии. Я их только недавно прочел, но нового для себя там не обнаружил. Все то вранье, к которому приучали советский народ десятилетиями, рано или поздно, становилось лишь предметом презрения к одряхлевшей власти и темой для анекдотов. Наступало все-таки другое время и в «Заключении» Комиссии, под давлением общественного мнения, излагались действительные, а не вымышленные факты:

«Операция по пресечению митинга началась 9 апреля в 4 часа утра и завершилась трагически... Вытеснение митингующих в районе левого угла лестницы Дома правительства в процессе исполнения превратилось фактически в окружение части голодающих и других участников митинга. А применение с грубейшими нарушениями инструкций резиновых палок и отравляющих веществ, использование в разгоне демонстрантов малых пехотных лопаток фактически обернулось жестокой расправой над советскими людьми.

Особо следует отметить самовольное решение подполковника Бакланова А. М. на использование изделия К-51, скрывшего впоследствии факт применения этого изделия. Однако точность указания рубежей применения отравляющих веществ вызывает сомнение. По многочисленным показаниям пострадавших отравление они получили на более ранних подступах (непосредственно у Дома правительства и Кашветского храма).

На стадии завершения «операции по вытеснению» имел место факт огнестрельного ранения одного из участников митинга в голову»

(<http://sobchak.org/rus/docs/zakluchenie.htm>:).

В этом же «Заключении» приведены точные цифры и о «частях Советской Армии, принимающих участие в этих кровавых событиях: 4-го мотострелкового полка ОМСДОН, военно-воздушного десантного полка, отрядов ОМОН и милиции из разных городов». Были опубликованы и сведения о погибших, пострадавших, раненых и находящихся в больницах, что категорически опровергалось до этого центральной прессой. Приведу еще одну цитату из этого «опуса»:

«В целом за период с 9 апреля по 9 мая общее число обратившихся в лечебные учреждения составило около 4000 человек. Всего было госпитализировано около 500 и в настоящее время на диспансерном учете и лечении состоит около 1000 человек».

О погибших, как всегда было туманно сказано, что «16 участников митинга погибли на месте происшествия, а трое вскоре скончались в больнице». Ну, и опять, как водится, «причиной смерти всех этих несчастных женщин, кроме одной из погибших, являлась «асфиксия в результате сдавливания грудной клетки в толпе». То есть – сами виноваты: чего собирались-то на митинг.

Однако, как оказывается, было в этом документе и признание «высокого начальства» о применении спецсредств «Черемуха», с особой оговоркой, что это «было официально ими признано лишь 13 апреля с.г., и то лишь под давлением неопровержимых улик». И далее «в последующем шло поэтапное признание применения различных модификаций „Черемухи“ и газа Си-Эс (изделие К-51)».

Теперь-то уже и не скрывают особенно факт применения боевых ОВ неизвестного типа, как на спектакле в «Норд-Осте». Все уже привыкли, отравили там несколько сот неповинных человек, так не все же померли. Вот и мой сотрудник (Губайдуллин) нашел все-таки свою дочь на третий день после той «блистательной» операции спецслужб в одной из московских городских больниц, и рот ему заткнули небольшой денежной суммой. Чего же жаловаться и, главное, кому жаловаться, тем же спецслужбам?...

Я что-то так и не увидел документа по террористическому акту в Норд-Осте (октябрь 2002 года), хотя бы такого, как вот то «Заключение Комиссии Съезда народных депутатов» о тбилисской трагедии 1989 года, в которое пришлось внести следующие строки:

«Установлено, что против участников митинга „силами вытеснения“ были применены резиновые дубинки, „спецсредства“ – отравляющие вещества раздражающего действия, малые пехотные лопатки и в одном случае (по заключению судебно-медицинской экспертизы) огнестрельное оружие...»

Недалеко мы ушли за двадцать лет... Суверенная демократия, да... Впрочем сегодняшний ОМОН – это уже не милиция в 80-е, а какие-то «космические ликвидаторы» в непонятном обмундировании. Так что на этом фронте большие успехи достигнуты нашими силовыми органами...

Я еще немного потолкался в тот апрельский день 1989

года между молчаливыми, скорбными фигурами, застывшими над цветами, аккуратно разложенными на местах, где погибли родственники и знакомые многих тбилисцев, спустился по ступеням в нижний алтарь Кашветской церкви, поставил свечу и отправился домой.

Бог миловал мое семейство, никто из наших родственников не пострадал, а на душе было муторно во все дни моей командировки... Тогда я и решил больше

не платить членских партвзносов, которые по старой, наверное, еще ленинской инструкции, надо было самолично приносить партгруппоргу нашего «Главцентра Океан».

До сих пор не могу отделаться от мысли, что эти регулярно повторяющиеся «наезды» на Грузию, с интервалом в два десятка лет, запланированы в какой-то «тайной канцелярии»... 1956 год – 1989 год – 2009 год. Время другое, поводы, вроде бы разные, а схемы действий властей и кровавые результаты приблизительно одинаковые – провокации, ввод танков, потом летающие над головами вертолеты, советские (российские) войска, поиски «грузинских зачинщиков» и потом, ряды могил...

Пролетели два месяца моей командировки, я получил «Диплом», который давал мне право проверки и стандартизации приборов для измерений параметров водных сред, и вернулся в Москву. Был месяц май, жизнь продолжалась, но вал вымыслов относительно событий в Тбилиси уже навсегда скрыл истину для российского обывателя. «Империя лжи» расцветала и развивалась на питательном растворе распадающейся «империи зла».

«Процесс пошёл»

Раньше вранье было прерогативой особо выделенных для этих целей деятелей в советской печати и на радио. В особых случаях, лично глава государства, где-нибудь за границей, только чтобы свои сограждане не услышали, изрекал что-либо, вроде бодрого «ответа Горбачева на вопросы французских коммунистов», приведу из того забытого:

– «Теперь насчет политзаключенных. У нас их нет. Как нет и преследований граждан за их убеждения. За убеждения у нас не судят. Но всякое государство должно защищать себя от тех, кто покушается на него, призывает к его подрыву, кто шпионит в пользу иностранных разведок. В последнее время, как меня информировали, в СССР за все виды такого рода преступлений отбывает наказание немногим более 200 человек». (Газета «Юманите», 8 февраля 1986 года).

Прошли еще два десятка лет, окончилось XX-ое столетие, мир уже стал делать первые шаги в третьем тысячелетии, а мы сегодня продолжаем слушать всё то же официальное вранье, которое заполонило экраны телевидения, главный источник информации для 86% россиян. Расширился круг официальных вралей, врать стало сутью, необходимостью и средством обогащения практически всех СМИ, включая телевидение, радио и прессу. Правда, истину стало возможным извлекать из многочисленных других, как сейчас принято говорить, «альтернативных источников», и не до конца «зомбированная» телевизионная аудитория (те же 14% населения, как и ранее), постепенно переходит в Интернет-пространство, которое пока никак не попадёт под колпак ревнителей «истинной православной веры». А тогда, двадцать лет тому назад, мы обсуждали события на кухнях, слушали, как и во все прежние годы, «вражеские голоса». Я предпочитал, по старой, школьной привычке, «Голос Америки», особенно его станцию в Танжере, откуда я почерпнул все свои сведения о джазе, и давно привык, как курильщик к «Приме», к ежедневному прослушиванию этой станции.

В Москве эфир был до предела засорен мощными радиотехническими средствами, так что принимать радиостанции «Свобода» или «Голос Америки» можно было только на дачах, подальше от этого «джаза НКВД», как выразился один журналист, вдали от зоны радиоподавления сотнями «глушилок», расставленных по всей стране. Мы даже предположить тогда не могли, что вдруг будет прекращено глушение «Голоса Америки», и это станет одним из первых мероприятий, провозглашенной Михаилом Горбачевым «политики гласности» (в конце 1988 года принимается решение Политбюро ЦК КПСС о полном снятии радиопомех).

Я прилетел из Тбилиси в Москву уже после выборов

Народных депутатов в Верховный Совет СССР, за которыми состоялся Съезд, и стал, как и все жители столицы, каждый вечер наблюдать по телевизору за депутатами в зале заседаний. Впервые в истории страны были организованы прямые телевизионные трансляции съезда и, я думаю, что именно это стало последней каплей, переполнившей многолетнее терпение соотечественников, особенно москвичей. Народ впервые в лицо увидел, кого он выбрал. Зрелище было впечатляющее.

Когда раньше лица этих «слуг народа» на высокой трибуне с бумажкой в руке, мелькали в кинохронике, реже на экране телевизора, это еще было терпимо, стало привычным. Их малограмотная речь умело подправлялась вставками ведущих,

а косноязычие микшировалось. На этот раз можно было увидеть их всех, весь этот «бомонд» скопом, в их естественном виде. Это было большой ошибкой властей. Наша российская власть никогда не отличалась особой красой – на портретах ее подкрашивали, подмазывали, убирали у одних складки жира на шее, у других прибавляли волос, затушевывали оспу и даже делали отдельных вождей выше. А здесь можно было увидеть весь этот питомник в натуральном виде, и, главное, услышать их малосвязную речь, партийное косноязычие. Да, обман, сначала только внешний, вдруг открылся, и многомиллионному зрительному залу предстал убогий облик статистов советского политического театра, в котором актеры без грима и суфлеров оказались один на один со всеми зрителями, со всей страной.

Самое малое, что происходило почти в те дни в каждой квартире значительно продвинутых в политических оценках москвичей – это откровенный смех, после трансляции очередного дня заседаний, на почве которого взошли сотни анекдотов, что раньше могли лишь рассказываться полупшепотом и только доверенным лицам. Что касается всей остальной страны, думаю, что она тоже посмеивалась, но с оглядкой на соседей, и все еще пребывала в привычной спячке, убаюканная десятилетиями ожиданиями «светлого будущего». Впрочем, видели жители нашей огромной страны этот съезд по телевидению, или не видели, я не знаю.

«Большой обман» выходил наружу и становился достоянием общественности, многие трезвели и убеждались, что «король», а точнее все «короли были голые». Если раньше одному Райкину было дозволено копировать некоторых деятелей, то теперь к этому приобщились «широкие массы трудящихся». Устой «страны победившего социализма» зашаталась, мы стали ожидать еще более значительных признаков перемен.

Впечатления от Съезда народных депутатов, особенно от его результатов, были крайне противоречивы. Мы впервые увидели Андрея Дмитриевича Сахарова, трижды выходившего на трибуну. Гогочущее и бьющее с остервенением в ладоши, депутатское стадо не захотело даже выслушать его. Если бы им дали волю, они бы, как носороги Ионеско, затоптали интеллигента-академика в едином порыве раболепства перед пока не дрогнувшей властью. Порывы депутатов сдерживал двуликий Михаил Горбачев, ищущий, как председатель президиума Съезда, «консенсуса», слово впервые им введенное в широкий обиход. Видимо, у Горбачева появились образованные референты. На этом же съезде мы увидели и слышали выступление Юрия Афанасьева с Гавриилом Поповым, пытавшимися немного подвернуть «единую линию» основной массы депутатов, привыкших «все как один» голосовать за любое предложение начальства. Их попытки провалились, но образовались группы

единомышленников, выпадавшие из общего политического строя, все еще следующего за партийным руководством. Появилась вокруг них напористая и речистая, самая образованная, «Межрегиональная депутатская группа», фракция, в которой вышел через некоторое время в лидеры Борис Николаевич Ельцин.

Можно найти весь состав этой группы в Интернете и убедиться, что в ней собрался цвет советской нации. Что станет позже и с этой группой и с отдельными представителями ее – это отдельная тема, не входящая в задачи моей «летописи». Они, как в свое время «декабристы», выполнили свою миссию, но в отличие от тех, все-таки сохранили и свои посты, и жизнь и избе-

жали ссылки. Время уже наступало другое. Самые «шустрые» из них мелькали потом на страницах газет, пробившись в высшие сферы власти, в региональные лидеры. Многие, наглотававшиеся грязи в политической советской помойке, отошли от дел, от борьбы, а другие ушли и в мир иной.

Вскоре стало понятно, что этот новый Съезд, вся эта говорильня не имеет к действительности никакого отношения, так как главная цель Съезда – избрание нового Верховного Совета, уже достигнута где-то «там», задолго до начала самого Съезда и далеко за его пределами. Уже было известно, кто будет Председателем Верховного Совета (конечно, Горбачев), и есть уже все списки членов Верховного Совета, пока правда в виде кандидатов, но процедура голосования была составлена таким образом, что никто со стороны, «из чужаков», туда не смог бы проникнуть. Опять оставалось народу уповать только на нового «царя-батюшку» – Михаила Горбачева, чья кандидатура пока не вызывала сомнений.

Закончился всесоюзный телевизионный театр, все пошло по накатанному, выбрали и Председателя ВС СССР – Горбачева, и двух других Председателей двухпалатного Верховного Совета: Примакова и Нишанова. Если первый, появляясь на телеэкране производил, в общем, неплохое впечатление, то второй «фигурант» отличался вопиющей неграмотностью и стал объектом пародий. Это он так и не смог выучить слово «конституция» и вместо него говорил «конестуция», так что я подумал было, что он когда-то был связан с коневодством. Написал вот «фигурант» автоматически и решил проверить в «Википедии», где нашел прекрасное определение этого слова, подходящее для Нишанова – «Специалист со средним специальным образованием в кондитерском деле». Да им предстояло не только выпекать, но и пользоваться единолично новоиспеченным пирогом, хотя уже и не долго.

Появился и новый руководитель, выдвигенец ЦК – Председатель Совета Министров Николай Рыжков, бывший директор Уралмаша.

В институте (ВНИРО), где я все еще работал, тоже стали заметны всякие подводные течения. Наш «Главцентр Океан» уже практически не финансировался из бюджета. «Техническое задание на разработку АССОИКИ»

(автоматизирующая система сбора и обработки космической информации), которое я пытался несколько лет воплотить в жизнь, как его соавтор и руководитель соответствующего подразделения, вся эта глобальная идея теряла свой смысл. Расползлось и рушилось стройная идеология технической реорганизации Министерства рыбного хозяйства, информационной увязки 5000 судов союзного рыбного флота. Мы еще попытались было «вливать молодое вино в старые мехи», выделились из института и организовали новую структуру, в духе «перестроечных времен», под громким названием – Ассоциация. Я съездил в несколько головных организаций наших бассейновых подразделений: в Керчь, Севастополь, Калининград и, конечно, во Владивосток, но и там, на местах, тоже не было денег, энтузиазм наших коллег по космическим системам сбора информации иссякал на глазах. Очень уж были очевидны грядущие перемены, наши «премудрые пескари» затаились и ожидали перемен, надвигающихся с каждым днем.

В конце года появилось Постановление Верховного Совета СССР «о кооперативах», смутившее многие умы. И хотя «Закона о кооперативах» еще не было, из моего подразделения в «свободное плавание» ушло несколько человек, соблазненных неясными высказываниями прессы о грядущем частном предпринимательстве.

Но все же небольшие перемены, чахлые ростки немного пугающего будущего, стали появляться. Вот и новый «Закон о печати» позволял вести в газетах что-то вроде полемики с властью о наболевшем, хотя советская цензура все еще не была устранена.

Что стало видно невооруженным глазом уже к началу 90-х, так это долго скрывавшееся расслоение российского общества. Раньше было просто – вся страна условно могла быть поделена на два лагеря, сохранившихся со времен революции и гражданской войны: тех, кто сажал и расстреливал, и тех, кого сажали и расстреливали. Вторых, по очевидным причинам, становилось всё меньше, их физические истребление несколько десятков лет никак не способствовало росту этой части населения. С каждым новым поколением, шла их естественная убыль, так как расстрелы самой производительной части второго поколения продолжались, к тому же падала в их среде и рождаемость – выжившие после лагерей и отсидок быстро заканчивали жизнь «на воле», а другие не очень-то стремились к увеличению семьи.

К этому времени, ушли «в мир иной» почти все, кто вернулся домой из ГУЛАГа, благодаря Хрущеву, по «Ворошиловскому указу» 1953 года. В нашей семье, семье в основном врачей, никогда не занимавшихся политической деятельностью, репрессированных было «только» трое: два врача и один историк, с общим стажем «отсидки на троих» более сорока лет. «Чемпионом» был дядя Митя, отсидевший за «историзм» 19 лет в Воркуте, с 1937 года по 1956-ой. Дядя Макс в 1941-ом сел за то, что был немец по происхождению, тетя Нюра осталась на оккупированных немцами территориях, в Орше, и была вывезена с двумя детьми на работы в Польшу, что сделало её «врагом народа» по 38-ой статье в 1947 году. Это мое ближайшее родство, о других, более дальних, двоюродных и троюродных, не буду вспоминать, тем более, что они – известные всем жертвы давних, страшных лет «большого террора» (1937—1938 г.г.), но цифры назову: только расстрелянных Довнаров (линия моей бабушки) было более тридцати, меньше в два раза Валахановичей и «совсем немного» Павловичей (линия деда) – 7 человек (Леонид Моряков, Репрессированные литераторы, ученые, работники образования, общественные и культурные деятели Беларуси, энциклопедические справочники,).

Исторический, продолжающийся два столетия геноцид белорусов, превосходит в несколько раз геноцид армян турками.

Чудом сохранившаяся интеллигентская прослойка России (и в еще большей мере Беларуси), с признаками бывших «властителей дум», все утоньшалась, и замещалась, а точнее подменялась советскими «специалистами», – «красной профессурой», называвшимися в газетах «новой, советской интеллигенцией». Эта часть населения легко освоилась под девизом «народ и партия едины» в новой реальности и встраивалась во все советские структуры, опору власти, пополняя время от времени, из своей среды верхние политические эшелоны управления страной. Люди из этого лагеря до сегодняшнего дня все подсчитывают жертвы ГУЛАГа и пытаются доказать на основе «новых, истинных» документов, что расстрелянных НКВД было, например, не три миллиона, а два, или что в лагерях от пыток, голода и ежедневных унижений умерло заключенных на миллион меньше.

Вот такое выросло племя новых вурдалаков, потомки советских янычар, сподвижники чекистов, дети и внуки партийных работников, не гнушающихся самыми низменными средствами для достижения своего благополучия. Размеры этого клана и их аморальность не поддаются никакому измерению. Тут уж не до Достоевского с его «слезой ребенка»...

И все же, к концу 80-х, колеса скрипучей арбы социализма в восточном блоке «стран народной демократии» стали разъезжаться, которое куда. Тон задавала польская «Солидарность», выбравшаяся, наконец, из подполья, признанная коммунистическим правительством генерала

Войцеха Ярузельского. Видимо, уроки «сибирских университетов» не прошли для генерала даром (он отбывал срок в Ойротском лагере, Алтай, 1940—1943 г.г.). Ему удалось «спустить на тормозах» всенародное буйное ликование по поводу полного изгнания из Сената коммунистов ПОРП во время почти свободных выборов в Сейм и Сенат. Сил, а может быть, и средств у Советов на подавление польских вольнодумцев уже не хватило. Думаю, что и ввод нового контингента советских войск с неперменными танками, как в свое время в Будапеште в 1956 или Праге в 1968 году, не дал бы результата, а привел бы к страшной резне. Советское время заканчивалось и не видеть этого уже было невозможно...

Наступало новое время – время революций, в каждой коммунистической стране или республике старую власть сменяла новая, где совсем бескровно, где немного попорили розгами коммунистов или побегали за местными сотрудниками КГБ, укоренившегося во всех странах со времен «верного ленинца» Дзержинского и структур Менжинского и Артузова. Где совместное сопротивление компартийцев и спецслужб было послабее – там все закончилось и потише. Компартии всех стран разбегались...

Горбачев и его команда с изумлением взирали на стихийные праздники ликующего населения, освобождения стран коммунистического блока, народные шествия и демонстрации. Советский партийный аппарат стал ходить пешком, прижимаясь к стенам. Когда я нос к носу столкнулся на переходе через Садовую с Лигачевым, сподвижником Горбачева и одним из самых влиятельных членов Политбюро ЦК КПСС – автором и идеологом «сухого закона», который куда-то двигался в общем потоке, я понял – «им» пришел конец.

А тут и стена берлинская не выдержала напора людской стихии. Германская Демократическая Республика, рай для ограниченного контингента советских туристов и советских войск (ОГВ), прекращала свое существование. Но с продуктами в гастрономах Москвы становилось все хуже, особенно с детским питанием, что меня больше всего и волновало. Мы уже пережили «полное изобилие» при Хрущеве, когда в Тбилиси, где я тогда работал, хлеб делали из «лобио» (фасоль), и усилия Брежнева по вводу талонов на мясо по предприятиям, и его знаменитую «Продовольственную программу СССР», от которой остался лишь анекдот о «вырезке» из нее. Только дети, – моему младшему сыну исполнилось уже 4 года, – ничего этого знать не хотели и, прямо по Гоголю, «от праздности завели себе привычку трескать», причем по несколько раз в день. Я иногда, когда особенно «подпирало», уезжал в Минск и возвращался оттуда с белорусскими колбасами и «палендвизами», которые покупал на Комаровском рынке. В магазинах тогда и там было не густо, но Минские базары еще «дышали», да и цены там были не московские.

Московские власти ввели в обращение «Удостоверение москвича» с фото и какой-то печатью, которое давало право на получении некоторой толики продуктов в длиннющих очередях в гастрономах. 300 граммов сыра, которые расталкивая очередь локтями можно было получить, отмечались продавцом в какой-то тетради, имело ли эта запись смысл для госучета, я не знаю. Пустые прилавки были главным признаком того, что власть долго не удержится.

Приехавшая к нам в гости из США, знакомая моей жены по берлинскому университету, Барбара, или Варя, как мы ее звали, с удовольствием становилась

в очередь за продуктами, с удостоверением моей жены, с записной книжечкой в руке, и заносила себе на память ядренные выражения «могучего русского языка». Она была профессором филологии и вела курс русского языка в университете Сан-Диего. Мы же, так сказать, читающая Россия, подняли тираж газеты «Аргументы и факты», кажется выше 30 миллионов, по крайней мере, она в те годы попала в книгу рекордов Гиннеса. А почитать истосковавшемуся по правде российскому жителю было в этой газете достаточно. Открывалась эпоха либерализма, совершенно новое слово для тех, кто родился после 1937 года, появлялись новые личности, доселе нам неведомые, вроде Травкина или Богачева с Жириновским, образовывались новые партии – Демократическая Россия, Солидарность, ЛДПСС и Объединенный Фронт Трудящихся и т. д. Обсуждались пути движения российского общества. Куда надо было двигаться – никто толком не представлял. Наступал 1990 год...

Если бы не исчезновение брата Арустама, у которого я бывал когда-то в гостях в Баку, если бы не мои поиски его через «Красный крест», если бы не было бегства всей семьи Харазянц из азербайджанской столицы, то мы бы в Москве ничего и не узнали о тех страшных событиях начала 1990 года. Поясню кто они такие, Харазянцы, в нашей семье.

Моя сестра Майя была замужем за бакинским армянином, Арустамом Харазянц, и все что там происходило болезненно

затрагивало и наш белорусский клан. Армяне снова, как и в начале века, перед первой мировой войной в Турции, подверглись физическому истреблению. Повторение тех давних событий в «социалистическом» Баку казалось неправдоподобным. Бегство армян из полыхавшего ненавистью города стало еще одним следствием «единственно правильной, сталинской национальной политики». Это были страшные дни. Сравнительно недавно, мне попалась заметка, в которой было изложено, как великий шахматист, Гарри Каспаров, арендовал тогда самолет и вывез сколько смог армян из взбудораженного и охваченного националистическим угаром Баку. Каспарову до сих пор не могут простить его отношение к событиям, очевидцем которых он был:

«Баку уже никогда не будет цивилизованным городом, так как своим развитием он обязан не местным жителям, а покинувшему его армянам, евреям, русским»... «Бакинец по национальности», как он сказал когда-то, в одночасье лишился родины.

Что же до деверя моей сестры, то его после этих событий так и не нашли, как и многих других. Как сегодня не находят пропавших без вести в Чечне и Ингушетии. На линии разломов бывшей страны стали происходить кровавые национальные разборки и первые такие трещины прошли через Кавказ и Прибалтику. В эти трещины, по обыкновению и по отработанной советской практике, вводились войска, имея большой опыт подавления любых проявлений собственного, особенно национального, мнения на местах. То, что произошло с армянской диаспорой в начале столкновения этнических групп горожан в Баку, было дополнено хорошо организованной «защитой советской власти» регулярными частями советской армии, как всегда с танками.

Сегодня уже хорошо известно, что подобно вводу войск в Афганистан, при принятии решения о вводе войск в Баку присутствовала вся верхушка руководства СССР. Началось с армян, а кончилось избиением азербайджанцев. Так Москва удерживала расползающуюся советскую власть.

Сошлюсь на А. Караулова. «В результате расправы над мирным населением и незаконного введения войск 131 мирный житель был убит, 744 – ранено, 841 – незаконно арестован... Военнослужащими было разрушено и сожжено 200 домов и квартир» – так уже долгие годы выглядит официальная азербайджанская версия трагедии».

«Вооруженное вторжение в Баку было подготовлено Министерством обороны, МВД и КГБ СССР. Кодовое название операции – „Удар“. Ключевая роль отводилась группе спецназа „Альфа“ и диверсионной группе „А“ КГБ СССР». «По приказу Горбачева Советскую власть в Баку спасали три человека: Дмитрий Язов, Вадим Бакатин и Филипп Бобков, первый заместитель Крючкова в КГБ. Они явились в Баку за неделю до той роковой ночи. Бакатин, скажем, назывался „генералом Григорьевым“».

Политики свое грязное дело завершили, и на первые позиции вышла Советская Армия, которая последнюю свою страницу истории в рамках СССР покрывает своими действиями в Баку несмываемым позором (Кровавый горбачевский удар по Баку 20 января 1990 года, http://sultanov.azeriland.com/impery/impery_1/page_05.html).

«За „январскими“ днями 1990 года, вылившимися в убийства армян азербайджанской толпой, а затем и еще более многочисленные жертвы со стороны азербайджанцев, которые были убиты и ранены в результате действий Советской армии, последовал традиционный национальный траур, продолжавшийся 40 дней».

(«Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане», Тадеуш Свентоховский, http://www.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_002.htm).

Этих дней хватило с избытком для того, чтобы мрачный 1990 год всплыл из глубины сознания. Печальные события стали происходить все чаще, но спасительное устройство, внутренний фильтр, старательно стирает их из памяти. Мне не хотелось бы подменить свои собственные воспоминания газетными публикациями и комментариями других участников или зрителей. Если я это иногда и делаю, то только для того, чтобы мои собственные комментарии не выпали из контекста тех лет.

1990 год был, пожалуй, самым богатым на исторические события, и самым тревожным для рядового москвича, к которым я себя стал причислять. Ведь стало ясным, что советский строй, создав последнюю империю, раскинувшуюся на два континента, скрежеща танками и изливая остатки желчи на весь остальной мир, так просто не отдаст свои личные завоевания. Именно, личные, так как давно уже «светлое будущее» для страны выродилось в «светлое настоящее», устроенное за кремлевской стеной.

Во всей восточной Европе запахло кровью: сначала в Нагорном Карабахе, потом в Литве, чуть позже в Румынии, где запретили коммунистическую партию. В ГДР стихийный народный всплеск потопил последний советский форпост – «штази», структуру, подчиненную КГБ СССР, на штурм зданий этой «тайной канцелярии» вышли жители Берлина.

ИСКУССТВО ВЫЖИВАНИЯ В 90-Е ГОДЫ

В Москве появлялось ощущение, которое журналисты окрестили, как «лихие времена». Прилавки московских магазинов, особенно новых итальянских супермаркетов, сверкали стальной стерильной чистотой, а пустые тележки в этих дворцах сбивались в маленькие стада в разных концах пустых залов. Мне мои родственники стали регулярно присылать продукты из Минска, передавая их с проводниками поездов, приходящих на Белорусский вокзал. В Западной Европе организовывали продовольственную помощь «перестройке» частные лица и различные фонды. Наш близкий друг, «носитель языка» на кафедре иностранных языков в МГУ, Иоганн Шульц, по нашему Ваня, мотался между Берлином и Москвой с сумками немецких продуктов. Что-то перепало иногда и нашей семье. Больше всех радовался этим посылкам наш маленький сын, он ходил в детский сад, где иногда появлялось американское сухое молоко. Я вспоминал свое послевоенное детство и американские продукты, которые позволили нам выжить в разрушенном дотла Минске.

Народное недовольство стало в разных формах выплескиваться на улицы. Власть сразу же оценила ситуацию и появился весенний «Указ», подписанный Горбачевым об «использовании войсковых частей для обеспечения призыва в армию», что давало официальный повод для ввода войск во все республики.

Трудно оценить положительно жиденькие реформы, проводившиеся под колоссальным давлением с двух сторон, власти сверху и народа снизу, но я помню, что выборы Горбачева президентом, дали небольшой повод для удовлетворения, ему пока еще симпатизировали многие. Исчезала вроде бы старая зачерстевшая партийная структура, страна становилась «президентской», как «у людей», а день выборов к тому же совпал с днем рождения моего сына – 15 марта.

Произошло еще одно «знаковое», как любят говорить сегодня комментаторы, событие, состоялся XXVIII съезд КПСС, на котором случился из ряда вон выходящийся инцидент, Б.Н.Ельцин и еще несколько человек, демонстративно вышли из партии.

В преддверии приближающегося всесоюзного голода была принята программа гуманитарной помощи СССР со стороны ведущих государств на 1991 год, по крайней мере, информация об этом просочилась в прессу. Что это была за программа и каковы результаты ее выполнения, никто толком не знал. Думаю, что как и ранее, если таковая была и выполнялась, то в основном все было разворовано толковыми работниками бывших «закрытых распределителей», обеспечивающих партийную номенклатуру всем необходимым.

Активизировалась образованная еще на первом «перестроечном» Съезде, так называемая «межрегиональная группа», лидером которой стал бывший секретарь Московского горкома КПСС Б. Н. Ельцин, и ряд известных и не очень депутатов: А. Д. Сахаров, Т.Х. Гдлян, Г.Х. Попов, А.А.Собчак, Н. И. Травкин, С. Н. Станкевич, Т. А. Заславская и другие. Никто из них, кроме Ельцина, не сумел дольше года продержаться в депутатах, новая волна предприимчивых и беспринципных персонажей стала захлестывать все административные структуры управления страной.

Память хранит отдельные фрагменты событий и не выстраивает их по рейтингу, многое забывается, но вот в Интернете я обнаружил совершенно немислимое для того года, может быть, даже самое значительное событие 90-х годов, – голосо-

вание в ЦК КПСС за отмену 6-й статьи Конституции СССР, «о руководящей роли КПСС».

Неужели это произошло, и что из этого должно было получиться? Я помню, что почувствовал тогда какой-то подвох. Однако, когда была введена должность Президента на мартовском Съезде народных депутатов СССР, а президентом был выбран все тот же Горбачев, уже на третью высшую должность в СССР, все стало ясно. (Горбачев был: Председателем Президиума Верховного Совета СССР в 1988 – 1989 годы, Председателем Верховного Совета СССР – 1989—1990 г.г., Генеральным секретарем ЦК КПСС с 1985 по август 1991 года). Опять «они» меняли все, ничего не меняя, как это и было засвидетельствовано Михаилом Жванецким. Более того, вся власть концентрировалась в одних руках.

Вот уже заработал и новый указ Горбачева «Об использовании войсковых частей для обеспечения призыва в армию», он получал право, как Верховный Главнокомандующий, вводить войска в республики.

Пока мы боролись каждый день за то, чтобы обеспечить минимальный набор продуктов для своей семьи, ревнители и приверженцы старого советского строя образовали внутри КПСС ударный отряд, «Общенародный фронт трудящихся». Они стали призывать массы к борьбе за «коммунистические ориентиры перестройки», вышли на очередное сборище в Москве с лозунгом «О чрезвычайных мерах по борьбе с надвигающейся нищетой и голодом». Под этим прикрытием зазвучали давно известные, старые вопли «партайгеноссе» о «попытках дискредитации марксизма-ленинизма», о борьбе «за права трудящегося и эксплуатируемого народа».

Сегодняшние оценки этого «движения» можно найти в разных местах, я приведу лишь одну, из Интернета.

«ОФТ был образован приверженцами ортодоксально-коммунистических взглядов, обеспокоенными «неправильным» ходом перестройки, «стремлением определенных сил изменить социальную сущность КПСС», «попытками дискредитировать марксизм-ленинизм». Своей целью основатели Фронта поставили борьбу за «коммунистические ориентиры перестройки» и «осуществление на практике ленинской Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». По сути, ОФТ был даже не консервативным, а «реакционно-романтическим» течением внутри КПСС. Его целью было не просто восстановление доперестроечного положения, а возвращение к «золотому веку» большевизма якобы имевшему место на заре советской власти... (<http://old.polit.ru/documents/104573.html>).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.